

МИХАИЛ ЗАРУБИН

БЕСЕДЫ С БОРИСОМ ОРЛОВЫМ

Известный поэт Борис Александрович Орлов родился 7 марта 1955 года в деревне Живетьево Ярославской области. Имеет два высших образования. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище им. Ф. Э. Дзержинского и Московский литературный институт им. Максима Горького. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Капитан 1-го ранга. Участвовал в дальних походах.

Автор более двух десятков поэтических книг, лауреат литературных премий, Председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

Самое главное – он талантливый поэт. Читая стихи Бориса Орлова, удивляешься их правдивости, проникновенности.

Я часто встречаюсь с Борисом Орловым. Эти встречи не ограничиваются приветствием и рукопожатием. Мы всегда, даже когда мало времени, что-то обсудим, поделимся впечатлениями, поразмыслим над планами. Мы говорим о месте книги в современном обществе, размышляем о возможном и необходимом развитии книжной отрасли, о нынешней поэзии и значении писателя в России, о превратностях творческого пути, обмениваемся мнениями, радуемся, как мальчишки, захлёб делимся воспоминаниями о своей малой родине.

Я попытался записать наиболее интересные разговоры и предлагаю наши диалоги читателям.

“НАУЧИМСЯ СВЯТОСТЬ БЕРЕЧЬ”...

Встреча первая

Заседание Общественной палаты, проходившее в Световом зале Смольного, затянулось. Вместо регламентных двух часов оно продолжалось почти три с половиной. Из них полчаса ждали губернатора, немалая часть времени ушла на традиционное награждение юбиляров, каждому из которых была предоставлена возможность выступить со словами благодарности. И только после этого перешли к повестке дня. Обсуждалась работа комиссий Палаты. Председатели отчитывались о проведённых мероприятиях, не забывая подобострастно и многословно поблагодарить Комитеты администрации, которые якобы с большим удовольствием участвовали в них и помогали членам Палаты.

Участников совещания было немного, что особенно замечалось в невольном сравнении нашего собрания с размерами огромного зала. Да и пришедшие не отличались заинтересованностью и внимательностью. Кто-то перелистывал деловые бумаги, кто-то беседовал с соседом, кто-то громко, на ширину плеч разворачивал шуршащую газету. Мне, страдающему от духоты, помогала отвлечься от затянувшегося собрания любимая книга.

Когда наконец всё закончилось, я, одним из первых спешно покинул зал и, оказавшись на воле, подумал, как же мало мы радуемся простым, обыденным жизненным дарам. Разве не чудо — эта сладкая, насыщенная ароматами зелени парка прохлада, которая сейчас мне казалась даром бесценным.

Я глубоко вдыхал сладкий воздух, наполненный ароматами и невской влагой. Медленно спускаясь по огромным ступеням мраморной лестницы классического здания Смольного, боясь поскользнуться на них, отполированных до зеркального блеска, я вздрогнул от неожиданного приветствия.

— Здравствуй, Михаил Константинович!

Голос Бориса Орлова я узнал сразу. Радостно обернулся.

— Здравствуй, Борис Александрович, — откликнулся я с лёгким удивлением. — Ну, ладно мы, общественники прокажённые, протираем здесь штаны и подмётки ботинок, а тебя-то какие ветры сюда занесли?

— Да нет, не ветры и не волны... Деньги! Помощь приходил выпрашивать.

— Какие в Смольном деньги, Борис?

— Самые настоящие. Правда, не в привычном виде, как у меня в кармане, — Орлов импульсивно похлопал себя по груди, — а “бесконтактные”.

— Ты, председатель Правления Петербургского отделения Союза писателей России, просишь деньги в Смольном? Зачем?

— Чтобы издавать книги писателей.

— И что, получилось выпросить?

— Расскажу потом, когда приду в себя, — отшутился от сложного разговора Борис Александрович. — А ты, Михаил Константинович, куда путь держишь?

— До метро хочу прогуляться. Машину специально отпустил. Работа у меня хлопотная, а хожу мало, вот и решил пройтись по любимому городу.

— Мне тоже к метро, пошли вместе.

Свернув с Суворовского проспекта, мы направились по Кирочной. Пользуясь случаем, я старался расспросить о писательской жизни.

— Борис Александрович, ведь писатели прежде были самыми высокооплачиваемыми людьми. Что ж вы сегодня как руководитель одной из самых уважаемых в городе организаций выпрашиваете деньги на издание книг?

— Да были времена, когда писатель за книгу получал гонорар свыше двадцати тысяч рублей, это когда машина “Жигули” стоила пять тысяч. Союз писателей в советские времена был богатой организацией. Один Литфонд имел мощнейшие средства. Традиция повелась из XIX века.

— Кстати, создание Литфонда не было оригинальной нашей идеей, писатели взяли в пример английское Общество помощи писателям и расширили орбиту его деятельности в соответствии с названием “Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным”. А проект устава Общества получил Высочайшее утверждение.

— Да, Михаил Константинович, у исторического Литфонда есть чему поучиться. Хотя бы тому, из чего складывался его капитал. Ведь достаточно большой вклад вносило в виде ежегодных субсидий Министерство народного просвещения, были членские взносы, единовременные пожертвования. Вносили свой вклад в развитие русской литературы и Высочайшие особы, также поступали отчисления от публичных чтений, концертов, спектаклей, изданий.

И при советской власти многое сохранилось и приумножилось. Дома отдыха, поликлиники, детские сады, типографии и много другого добра было у Литфонда на балансе.

— И куда это богатство исчезло?

— Что-то пришло в негодность, так как имущество требует хозяйского глаза, что-то растащили “умные люди”, которые всегда появляются там, где можно пожить. Ты же понимаешь, Михаил Константинович, что сегодня может заработать писатель? Что-то может, если вдруг произойдёт чудо, и его заметит издательство. А для этого надо, чтобы текст понравился прочитавшему его редактору, тогда издательство пригласит на разговор, потом отредактирует так, что своего произведения не узнаешь. Хоть у нас цензуры нет, русскую тему пытаются втихаря притоптать, припрятать, исказить в соответствии с либеральной идеологией. У нас по Конституции идеологии нет, а как будто бы и есть. Посмотрите, кто пользуется благами от культуры? Те, кто пропагандирует пороки, смертные грехи, человеконенавистнические идеи. Раньше было понятие “космополитизм”, сейчас его заменили термином “толерант-

ность” или “права человека”. А какие это права? Права крикливого меньшинства! Почему никто не говорит о моих правах, о том, что я хочу в своей стране, отвоеванной моими предками для меня, быть русским не только в мыслях и мечтах, хочу свои патриотические стихи донести до молодёжи, до народа. Ведь я хочу, чтобы люди стали лучше, умнее, свободнее...

– Борис Александрович, но мы отвлеклись от темы, от процесса получения гонорара.

– Да, если вы подчинитесь требованиям издательства, тогда только вас напечатают. Автор получает десять процентов от проданных книг. Причём не с той цены, по которой книги продают в магазине, а с отпускной издательской – она раза в два меньше. Но тут вас поджидает ещё одна уловка. Если Вы написали одну книгу, издатели с Вами разговаривать не захотят, нужно чтобы было две, а то и три книги, чтобы можно было “раскрутить”. Итогом Вашей работы может стать двадцать или тридцать тысяч рублей.

Хороший заработок?

– Да, по нашим временам, сущие копейки. Согласен, Борис Александрович, не соизмерима эта цена с напряжённостью и интеллектуальными затратами писательского труда.

– Но я сказал: если произойдёт чудо, и тебя “заметят”, и издательство издаст твою книжку. Видите, сколько “если”. Таких чудес – единицы. Поэтому я как руководитель писательского сообщества прошу у власти помощи. Какой? Да любой. Искренне радуюсь, что всё-таки наступает понимание высокого значения русской литературы и писательского труда, – голос Бориса Александровича от волнения даже изменился.

– Да, сегодня власти регионов, в том числе и Санкт-Петербурга, за счёт городского бюджета издают книги писателей, выплачивают стипендии, гранты. И, слава Богу, у нас появился свой Дом писателей на Звенигородской, 22. Появляются и укрепляются и другие формы сотрудничества государства с творческими людьми.

Но всё равно – это крохи. Не ошибусь, если скажу, что девяносто процентов писателей не только ничего не получают за свой труд, но вынуждены ещё и сами платить издательствам за выпуск своих книжек.

Борис Орлов резко остановился.

– А помнишь, Михаил Константинович, – уже мягче, спокойнее продолжил мой спутник, – были в России в конце XIX – начале XX века такие знаменитые издатели Суворин, Солдатенков, Сытин. Они думали о народе. Сытин, например, всю жизнь посвятил изданию книг для народа, вернее, для его просвещения. Он ведь и издание дешёвых книг наладил, и книготорговлю организовал в интересах простых людей, отдавая предпочтение книгам духовно-нравственного содержания, просветительским, фольклорным. Выпустил свой знаменитый “Букварь” для народа. Да, такие, как Сытин, не только народ просвещали, но сами славу Отечеству составляли.

– А разве современные поэты, прозаики своими стихами и романами не создают славу Отечеству? Мир знает Россию по её великой литературе, к сожалению, только прошлой. Наверное, в наше время уже не будет великих писателей, Борис Александрович?

– Если никого не печатать, то никого и не будет. Литературному производству требуется укоренение в сердцах читателей, требуется оценка, только тогда то, что выходит из-под пера автора, становится литературой. А ведь большинство наших коллег пишут “в стол”, мы практически не допущены к средствам массовой информации, находящимся в руках барышников.

– Ну, а как в других странах? Посмотрю – все книжные прилавки завалены иностранной литературой в красивых обложках. Неужели заграничные писатели умнее и талантливее нас?

Борис Александрович задумался, вздохнул, замедлил шаг. Обвёл рукой воображаемый купол.

– Посмотри, Михаил Константинович, какие красивые вокруг дома. Старинная архитектура классицизма, барокко, шедевры конструктивизма первых пятилеток. А там – заводские корпуса, тоже красивые сооружения, выверенные, целесообразные. Талантлив русский человек. Во всём талантлив. Такой красивый город создан трудом и волей наших соотечественников. Без их жертвенной веры в то, что на “топких берегах” можно создать великую столицу, никакие итальянцы ничего бы не отважились напридумывать. Это ведь

русский труженик камнерез Самсон Суханов давал Монферрану уверенность в том, что с Божией помощью всё возможно: и колонны водрузить без фундамента, и столп поставить на века. Да, велик русский человек. И писателей у нас очень много талантливых. Только не организован их союз с читателем. То ли по злему умыслу властей, то ли по их недоразумению, то ли по лени.

– Но всё-таки за границей жизнь у писателей легче, насыщеннее?

– Да, у них скоординирована система взаимоотношений с властью. Например, в Румынии принят Закон об обязательном пятипроцентном отчислении от стоимости всей ввозимой в страну и производимой внутри неё копировально-множительной и печатающей техники. Эти средства поступают на счёт румынского Литературного фонда, таким образом у писателей появляется возможность издавать свои журналы, получать стипендии, гранты, премии и доплаты к пенсиям.

Кроме этого, решаются многие другие проблемы.

В Китае писательский союз находится на бюджете государства.

– У нас, Борис Александрович, стало почти нормой равнение на Соединённые Штаты. А как у них?

– У них тоже хорошо. Там для поддержки творческих людей учреждена должность “писатель при университете”, благодаря которой американские мастера получают профессорские оклады и ведут за это факультативные уроки по истории словесности, организуют литературные студии и мастер-классы. Работа обеспечивает достойное материальное существование писателям, освобождая их от необходимости зарабатывать деньги литературной подёнщиной, и помогает сохранить высокий культурный уровень нации и вырастить новые писательские кадры.

– При нашем количестве университетов всем бы писателям места хватило.

– Конечно, если бы мы не были расколоты.

– Это что за беда у нас такая? Что разъединяет писателей?

– Сегодня писательский мир России разбит на несколько почти не контактирующих друг с другом лагерей, образовавшихся по идеологическим, стилевым, художественно-вкусовым и иным признакам и группирующихся вокруг литературных журналов и различных объединений. Большинство этих объединений представляют узкие “межсобойные” тусовки, куда закрыт доступ писателям из других союзов. К добру это не приводит и приносит вред российской культуре.

– А государство просто наблюдает за этим процессом?

– Ну, а при чем здесь власть? Все объединения – некоммерческие, общественные, и государство не вправе вмешиваться в их деятельность. Поэтому у нас на книжном рынке книг выпускается много, а почитать нечего. Ведь за почти тридцать лет не появилось ни одной песни, которую бы пел весь народ вне зависимости от возраста и социального статуса. Где кинофильмы, “как раньше” – когда их показывали по телевизору, улицы пустели? Где новые имена?

– Знаешь, я сейчас читаю Валентина Григорьевича Распутина, у него по этому поводу есть замечательные слова.

Я открыл портфель, достал зачитанный томик любимого моего писателя.

– Послушай, Борис Александрович, вот его книга “Эти двадцать убийственных лет”, я взял её с собой, предполагая скрасить скуку заседания: “Издательства перестали выращивать, воспитывать автора, как было в пору моей молодости, когда такой селекционной и творческой работой занимались все издательства, не исключая и областные... Сейчас государство умыло руки, а у рынка жестокие и нечистоплотные законы выгоды. Издаётся то, что расходится. Расходится то, что проталкивается: развлекательность, низкопробность, мишура, всяческая наживка на крючок, которая, куда ни пойдешь, постоянно перед носом. Идёт непрерывная и масштабная, на всю страну, работа отупления человека, его развращения и озверения.

В неполноте своей, в своей национальной отверженности и духовной запущенности можем мы и с именем “русский” перестать ему соответствовать, после чего недолго нас и из имени, как из полегчавшего мешка, вытряхнуть”.

Я читал что-то ещё, перечитывал особенно важные мысли нашего современника, оказавшегося классиком при жизни. Когда я закрыл книгу, оказалось, что мы уже давно сидим на лавке в Таврическом саду. Разговор об общей боли, понимание этой боли сблизил нас. Говорили долго, вспоминали Леонида Леонова, о котором большинство молодёжи не ведаёт, ну, а уж про

Владимира Солоухина помнят только его ровесники или же те, кто жил во времена, когда его произведение звучали потрясающим душу набатом, созывающим людей на борьбу за русскую культуру, за русскую старину, являющуюся базисом будущего. Останови сегодня молодых людей, проходящих мимо, назови имена русских писателей, спроси, что они знают о них. И в ответ услышишь или циничное хамство, воспитанное всякими смехопанорамами, или жалобное мычание – мол, не трогайте трудными вопросами, ни к чему нам ваши писатели в век компьютерных технологий.

– Послушай, Борис Александрович, но ведь действительно, современная эпоха, как нас убеждают с телеэкранов, не приспособлена для книг. Сейчас везде интернет, гаджеты, лайки. Возможно, мы преувеличиваем значение печатной продукции, пытаемся молодёжь повернуть назад, в прошлые времена? А ведь научно-технический прогресс – процесс объективный и непрерывный. И куда не деться нам от идущей вперед жизни.

– Ладно тебе ссылаться на то, чего нет. Роль книги в бумажном варианте действительно неуклонно снижается. Но книга жива, и, я думаю, проживёт ещё долго. Какие тому причины? Каждому человеку книга дорога тем, что, читая её, он с ней сродняется, оставляет меж её страниц свои сердечные переживания, мысли и даже слёзы. Книга ведь – как учитель. Хорошего учителя не забывают всю жизнь.

– Но ведь есть любители аудиокниг. У некоторых людей глубже слуховое восприятие. Да и зрительное восприятие в наше время может удовлетвориться чтением книги на планшете.

– Но зрительное восприятие живой книги и книги на планшете различно, – резко перебил меня Орлов. – Это как прекрасная, яркая картина и газетная чёрно-белая её репродукция. При чтении на планшете восприятие поверхностно, впечатление недолговечно. Так называемое “клиповое мышление” создано лишь для кратковременного удовлетворения потребностей человека. А печатная книга, тем более в хорошем издании, запоминается как совокупное произведение искусства.

Борис Александрович, воодушевившись затронутой темой, казалось, был готов прочитать мне лекцию. Поэтому я решил наш разговор перевести в оптимистичное русло.

– Однако я вижу, что сегодня книги начинают отвоёвывать утраченные ранее позиции. Книга вновь стала хорошим подарком, даже в молодёжной среде. Ты посмотри, сколько книжных магазинов. Если бы книги не покупали, что, открывались бы новые магазины?

– Так-то оно так, но иногда я слышу даже от депутатов Госдумы, что у нас в стране нет достойной современной литературы, нет талантливых русских писателей. А почему – нет? Потому что их не знают. А я со знанием ситуации заявляю, что есть у нас всё: и выдающаяся литература, и сильные писатели. Являясь заместителем председателя приёмной комиссии Союза писателей России, я хорошо знаю современную русскую литературу. Очень талантливые поэты, прозаики, драматурги есть у нас! Многие из провинции. Однако Федеральное агентство по печати их не знает и знать не желает. Откуда же этим писателям найти денег, чтобы издать свои книги, а надо ещё и рекламу заказать. Нет у нас денег, чтобы эту рекламу в метро и по телевизору показать! В потоке масскульта теряются мизерные тиражи, расходятся среди друзей и родных. До широкого читателя не доходят.

Писатели – великая сила, но их потенциал сегодня не востребован. Они могли бы оказать стране помощь в воспитании молодёжи, в создании достойного образа России на мировой арене, в решении многих насущных проблем. Взять, к примеру, дорожное хамство – сколько о нём говорят, ужесточают правила дорожного движения, увеличивают штрафы. Но это та сфера, где не законодательными мерами надо действовать, а воспитательными, нравственным примером. И книга могла бы здесь очень помочь. Или демографическая проблема. Образ женщины-матери, верной жены, красота материнства, раскрытые талантливым писателем, могут просветлять женские и облагораживать мужские сердца. А современные ужастики-детективы учат вседозволенности, развивают в людях теплорядность, пропагандируют убийство как норму человеческого общества.

– Но ведь считается, что воспитательная функция книги сомнительна. Еще великий Николай Васильевич Гоголь пострадал от этой иллюзии.

– Не скажи, Михаил Константинович. Вряд ли было бы в нашей стране столько героев, если бы не было книг про “Молодую гвардию”, про героическую оборону Севастополя, про блокаду Ленинграда, про подвиги русских миротворцев в Осетии.

Сумерки незаметно стискивали. На центральной аллее Таврического сада зажглись фонари, похожие на банки, в которых законсервированы сгустки солнца. Разговор иссяк.

Из Дворца бракосочетания, что на Фурштатской, выходила группа молодых людей, окружив молодожёнов, весело шумела, пенились бокалы с шампанским. Мы остановились, полюбовались радостью молодости, неповторимой красотой юного счастья.

– Слушай, Борис Александрович, ты известный поэт, автор многих поэтических книг.

– Ну и что?

– Я вот думаю, стоит ли тебе надрывать сердце, напрягать душу, отрывать от творчества время, чтобы быть просителем о других? Может, бросишь все эти походы? И писать, писать...

Борис Орлов ничего не ответил на моё предложение. Сделал вид, что не расслышал меня. Потом, то ли мне, то ли самому себе он сказал:

– Ты знаешь, Михаил Константинович, лет сорок назад я прочёл слова в одной книге. Сейчас не помню, кто автор и какое название у той книги, но фраза запомнилась: “Выше литературы только богословие”. Вот какая у нас высокая планка!

И без паузы, кивая головой в такт рифме, Борис Орлов подтвердил поэтически эту аксиому:

*Мы в сердце, молитвой согретом,
Научимся святость беречь.
Струится спасительным светом
Алтарная русская речь.
Так было когда-то... Так будет!
Ход крестный. Победный салют.
Красивые русские люди
В намоленном храме поют.*

Орлов без паузы продолжил:

– Ну и что, что писательская профессия стала общественной нагрузкой, что гонорары литераторов не идут ни в какое сравнение с заработками других деятелей культуры? Ну и что, что за книгу, которая пишется годами, можно получить гонорар, равный месячной пенсии? Всё это второстепенно. Главное – что Бог дал талант, умение видеть, слышать, осознавать и разъяснять людям. Наши читатели – вот главное наше богатство.

– Подожди, Борис Александрович, как это – писательская работа стала общественной нагрузкой? Может, это метафора?

– К сожалению, нет. В списке профессий нашей страны профессии “писатель” нет.

– И что – у нас нет профессиональных писателей?

– Выходит, нет.

– А как же пенсия?

– Как у бомжей, самая минимальная, или иди, подрабатывай где-нибудь. Зарабатывай на свою пенсию, работая грузчиком, истопником, охранником. Это излюбленные профессии наших писателей.

– То есть писательство является неким хобби?

– Получается, что так.

– И власти этого не видят?

– Видят, вот заговорили о патриотизме. Но патриотизм – слишком общее, вернее, идеальное понятие, его нужно наполнять конкретным, даже личным содержанием. И к этому призваны мы, писатели. Только когда нас призывают на самом деле? Вот поэтому хожу и прошу денег на издание новых книг, чтобы наши писатели стали известны стране. И, даст Бог, среди них появятся новые Распутины, Твардовские, Дудины, может, даже Шолоховы и Толстые. Хотя, конечно, у каждого времени свои творцы и герои.

“ЛЮБЛЮ ИЗ ПРОШЛОГО МОТИВЫ”

Встреча вторая

Май – из всех месяцев года месяц особенный, месяц-праздник, месяц-победитель. Окружающий мир, воскресая, ликует! Окончились тяжёлые Великопостные испытания и ограничения. Именно в майские дни природа полностью освобождается от зимнего гнёта, от последствий апрельских ледяных ветров, от неожиданных снежных нападков несдающейся зимы – правительницы наших северных краев, которые смирились с её почти полугодовой морозной властью.

Май – это и месяц труда! В мае в нашей писательской организации, завершающей полугодовой творческий сезон, дел “выше головы”. Секции проводят отчётные заседания, отмечают литературные удачи, выявляют организационные недочёты, намечают планы на “летние каникулы”. Писатели встречаются с читателями в школах, библиотеках, домах отдыха, университетских аудиториях и воинских частях. Но главное событие – это Международный книжный салон, который с помощью питерской исполнительной власти каждый год проводится в Санкт-Петербурге в последнюю декаду мая. Невозможно в нескольких словах передать напряжённость этой подготовки, занятые практически все члены нашего Отделения. Но главной организующей и координирующей силой является, конечно, Борис Александрович Орлов. В один из таких кипучих дней, согласовав в секции свой план участия в Салоне, я заглянул в кабинет нашего председателя.

– Здравствуй, Борис Александрович!

– Здравствуй, Константинич, – нехотя оторвав взгляд от бумаг и переводя его на меня, устало произнёс Орлов. Потом, потирая виски, он снял очки и вопросительно повернул голову ко мне.

– Может, пора домой? Если не против, довезу, – поспешил я оправдать цель своего прихода.

– Довезёшь, говоришь? – взбодрился мой начальник по писательскому цеху. – Попробуй. Только дай пять минут на сборы.

– Хорошо, жду внизу.

Когда Борис Александрович уже сидел в моей машине, я его бодро спросил:

– В каком районе живёшь? Куда едем?

– В Кронштадт, – невозмутимо ответил он.

– Куда? – уныло переспросил я, надеясь, что неправильно понял своего попутчика.

– В Кронштадт. Я там живу. Что, Михаил Константинович, ты уже передумал везти меня? – сказал Орлов и с хитрецей посмотрел на меня.

– Конечно, нет, хотя скажу честно, никак не ожидал, что ты так “близко” живёшь. Интересно, как же ты там оказался?

Борис Александрович не ответил, видимо, ответ был бы неоднозначным и долгим. Потом задал логичный вопрос:

– А как проехать в Кронштадт, ты хоть знаешь, Михаил Константинович?

– Знаю, по дамбе. Не раз бывал там.

– Дамбу открыли недавно, до этого мы добирались на пароме, теплоходе. Когда “Метеоры” ходили, намного быстрее получалось. А сейчас не нарадуюсь, что можно доехать различными видами наземного транспорта: на автобусе, маршрутке, такси.

Помолчали. Но Борис Александрович долго молчать не мог и нашёл благодатную тему для продолжения разговора.

– Как я попал в Кронштадт, спрашиваешь? Для меня самый любимый город – Ленинград, мой Санкт-Петербург. Я всю жизнь мечтал здесь жить и работать. Но флотская служба не выбирает мест. Где нужен, там и служишь. А как только представилась возможность, и появился выбор – Москва или Санкт-Петербург, – я, конечно, выбрал морской город. О Кронштадте даже не мечтал. Но так сложилась судьба, за что я ей очень благодарен.

Кронштадт ведь тоже Петербург, его неотъемлемая часть, его функциональный орган. Место особенное, подобных ему нет на свете. В своё время Кронштадтская крепость была мощнейшей военно-морской крепостью Европы, её форты и батареи ни разу не подпустили неприятеля к Санкт-Петербургу.

Она была заложена Петром I. Из-за угрозы войны со Швецией крепость содержалась в постоянной боевой готовности, её вооружение модернизировалось в соответствии с требованиями времени. На гербе Кронштадта изображен котёл. Знаешь, почему? По версии историка Бестужева, шведы под натиском русских, освобождавших остров Котлин, так быстро ретировались с поля боя, что оставили даже котёл с готовящейся кашей, дымящейся на горящем костре. Отсюда и появился этот символизирующий быструю победу знак.

С Кронштадтом меня связывают и родственные узы. Удивительно, но именно здесь в Первую мировую и в гражданскую служили матросами два брата моей бабушки, Фаддей и Иван. Оба они участвовали в Кронштадтском мятеже.

— Борис Александрович, а как правильно называть: мятеж или восстание? Я интересовался историей этого трагического события и заметил, что в книгах везде по-разному называют.

— Да, сейчас выступление называют восстанием, а в советской историографии события, которые происходили в 1921 году в Кронштадте, именовались “Кронштадтский мятеж”, “Кронштадтская авантюра”, “бунт моряков Балтфлота”, а его участников называли “мятежниками” и “врагами революции”. Понятно, почему, — чтобы принизить значение события, подчеркнуть якобы антинародную его сущность.

— Получается, что твои деды тоже пострадали. Там ведь расправа была жесточайшая, безжалостная, со всеми участниками. Большевики-ленинцы “своё” отстаивать умели.

— Пострадали. Но не так, как, скажем, офицеры или организаторы. Мои деды были рядовыми матросами. На них не очень обращали внимание, они всё-таки были ближе к народно-революционной массе. Как и другие русские люди, сохраняли тесные связи с деревней, жили простыми мечтами и в пределах мировоззрения крестьян. Хотя недоумевали по поводу новой власти, когда получали удручающие вести из родного края: у того последнюю лошадь забрали, у соседа посадили старика-отца, у третьего весь посев реквизировали, корову увели, носильные вещи прихватили представители большевиков. А на службе начальству было наплевать на матросов, комиссары-коммунисты увлечены были, как всегда, внутривластными проблемами. Им бы себя показать да соперника уличить. Каждый день речами захлёбывались.

После подавления восстания в качестве обвиняемых были привлечены более десяти тысяч человек, из них больше двух тысяч расстреляны, свыше шести тысяч человек отправлены в лагеря на принудительные работы или в трудовую армию и только полторы тысячи были освобождены из-под стражи.

Лишь к пятилетию Октябрьской революции ВЦИК амнистировал значительную часть рядовых участников Кронштадтского восстания. В их числе были и мои родственники. Но как бы они ни относились к власти, они всегда оставались русскими людьми и осознанно служили Родине. Родина для них была понятием святым. Поздней осенью сорок первого года, отставив Ленинград от фашистов, будучи ополченцами, оба моих деда погибли. Такова была участь миллионов русских людей.

Моя тётя Мария всю войну находилась в Кронштадте, работала на водозаборе.

— Где работала?

— На водозаборе. Сейчас поясню. Вокруг острова Котлин — Балтийское море, Финский залив. Однако основное течение морской воды преграждает пресная, более тёплая вода Невы. Она-то и заполняет морской фарватер. Нева здесь настолько сильнее моря, что долгие годы пресную воду черпали прямо с берега. Перед самой войной построили водозаборный канал и кронштадтские водопроводные сооружения.

— Борис Александрович, вот вы говорите, что ваша тётя всю войну работала в Кронштадте, а разве там кто-то тогда из жителей оставался?

— Конечно! Кронштадт — город-герой, наравне с Ленинградом, выстоявший 900 дней блокады. Морская крепость, по примеру многих древних русских крепостей, сопротивлялась, не сдалась, была крепким орешком, который враг не смог раскусить. Кронштадт надёжно прикрывал Ленинград от ударов противника с моря. Крепость систематически подвергалась жесточайшим бомбардировкам авиации противника. Через Кронштадт проходила “Малая Дорога жизни”. Из Кронштадта в Лисий Нос и далее в Ленинград шли войска,

грузы, эвакуировались люди по льду зимой, летом для этого использовались все маломерные суда вплоть до рыбацких лодок.

В городе находились военные госпитали, поэтому говорить, что Кронштадт был безлюдным, нельзя.

Я внимательно слушал своего спутника, только иногда кивал головой в знак согласия.

— Уверен, в этот город меня привела воля Божия. Какое великое счастье жить в таком священном для России месте! Больше двадцати лет я живу с семьёй в Кронштадте, Бог даст, проживу больше.

Мы ехали по дамбе к городу, который окружён со всех сторон водой. Поэтому моя ремарка была уместной:

— Но ведь, Борис Александрович, даже при дамбе, соединившей Кронштадт с двумя берегами “большой земли”, твой город по-прежнему называют островом.

— Да, его положение и прошлая закрытость всё ещё сказываются. И сегодня, если у тебя нет колес, трудно попасть в театры или на другие мероприятия, оканчивающиеся поздно. Наверняка останешься ночевать в Питере. Зато автобусы ходят строго по расписанию и никогда не набиваются под завязку. Такое редко встретишь в Петербурге. Чистые, удобные, с низкой посадкой. Кронштадтцы, несмотря на кризис, строят планы развития города. Надеемся, что к нам переедет филиал киностудии “Ленфильм”. Дирекция студии собирается реконструировать здание Мореходной школы, брошенной властями и закрытой в двухтысячные. Здесь, говорят, будет музей ленфильмовских костюмов как часть филиала знаменитой, европейского уровня киностудии. А в старинном Петровском доке Адмиралтейство планирует разместить музей кораблекрушений.

— А не жалко док отдать под такое дело?

— Петровский док — сегодня это антиквариат. Самый первый сухой док, из которого вода не откачивалась в течение месяца насосами, а уходила самотеком в специальный бассейн, соединённый с доком сухим каналом. И устройство музея в таком месте — хорошая идея, сохраняет память о доке. Будет заинтересовывать посетителей побольше узнать об истории города, российского судостроения и мореплавания.

За разговором мы не заметили, что уже почти подъехали к Кронштадту, что находимся недалеко от туннеля, где трасса ныряет под морской фарватер. Вокруг нас слева и справа — плавни, и сразу после туннеля, ближе к городу, вырастают из воды знаменитые таинственные форты. Борис Орлов попросил остановить машину, чтобы показать мне зловещий на вид форт Александра I. Действительно, это сооружение вызывало много вопросов.

— Борис Александрович, а почему он такой закопченный? Горел, что ли?

— Он чёрен от пожара, его развели там специально, нужно было обеззаразить стены: до 1917 года здесь находилась бактериологическая лаборатория. Поэтому этот форт имел прозвище “чумной”.

На пронизывающем весеннем ветру, своенравном хозяине здешних мест, долго не поговоришь, историю не обсудишь и не осудишь, поэтому я поторопился завершить нашу маленькую экскурсию.

— Очень интересно! Борис Александрович, я обязательно специально приеду, чтобы посмотреть форты. Поможете мне?

— Конечно, с радостью. Писателю надо увидеть всё это, окунуться в живую историю. Очень вдохновляет.

Город, казалось, сам выплыл нам навстречу. Но целостное представление о Кронштадте трудно было составить сразу, глаза “разбегались”, так много здесь необычных старинных зданий, диковинных промышленных сооружений непонятного назначения. Огромное окно во весь фасад дома в стиле модерн возникло из-за поворота неожиданно и, как мне показалось, преградило дорогу. Так что я с трудом притормозил, мне показалось, что я лечу прямо в это окно.

— Что это за архитектурное великолепие? — взволнованно воскликнул я

— Да, Михаил Константинович, ваш восторг понимаю. Все поражаются красоте этого дома. А назначение его было рядовое. В середине девятнадцатого века на смену парусам пришли корабли с паровыми двигателями, потребовались специалисты трюмного и кочегарного дела. В этом здании открылась Школа кочегаров, через несколько лет её преобразовали в Машинную

школу Балтийского флота, позже был выстроен комплекс зданий – с учебными классами, с машинными залами и мастерскими. Одноэтажный корпус с громадным полукруглым окном, что удивил Вас, представлял в подлинном виде кочегарку большого военного корабля с действующей моделью котла. Всё было по-настоящему: пылали топки, гудели форсунки, летел уголь в огненную пасть.

Многие выдающиеся деятели Военно-морского флота начали свой путь отсюда. Здесь моряки получали основные навыки и приобретали необходимые знания.

После Великой Отечественной войны Машинная школа превратилась в Морской техникум. В том классе, где когда-то была модель парового котла корабля, сделали бассейн. В нём ученики Водолазной школы проходили водолазную практику. Часть помещений занимала Минная школа.

Ну, а сейчас всё для этого здания в прошлом. Нет ни учеников в морской форме, ни опытных учителей. Вокруг старинного прославленного комплекса тишина.

Борис выразительно вздохнул. Но его голос дрожал, когда мы проезжали мимо Екатерининского парка, где когда-то находился знаменитый Андреевский собор, заложенный Петром I и посвящённый святому апостолу Андрею Первозванному. С искренним огорчением он поведал о трагичной истории этого великолепного храма, овеянного великими русскими морскими победами, просветлённого молитвами самого знаменитого его настоятеля – святого праведного Иоанна Кронштадтского. Сейчас от красивейшего храмового сооружения, уничтоженного богоборческой властью в 1932 году для того, чтобы на его месте поставить памятник Ленину, не осталось ничего, кроме памятного камня.

Здесь мы вышли из машины и несколько секунд стояли молча. Склонив свои головы, мы поклонились истории и жизни, которая, как сказал в одном из своих стихотворений Борис Орлов, “не всегда права”.

– Не огорчайся, Михаил Константинович. Не всё так печально. Сейчас мы увидим доказательство тому, что Бог необорим, что пути Господни неисповедимы, и русских людей никакая власть не отвернёт от Господа. Наш великий Морской Никольский собор блистает в прежнем величии и неизбывной красоте. А чтобы убедиться в этом, приглашаю тебя в моё скромное жилище. Заодно и чайком согреемся.

Пятый этаж без лифта – тяжеловато. И вот мы уже сидим в небольшой квартирке Бориса Александровича. Из окон хорошо виден Морской Никольский собор. Один из самых красивых храмов России. Белоснежный, с огромным ослепительно-золотым куполом, он не подавляет человека, а, наоборот, возвышает, заставляет проникнуться верой в Господнее величие. А осознание того, что этот блистательный купол виден даже в Петербурге, заставляет сердце восхититься Божественной целесообразностью и наполниться гордостью за родную нашу землю, которой нет конца и края и которой под стать такие огромные, солнцеподобные соборы.

Будто в продолжение моих мыслей Борис Александрович сказал, указывая на собор:

– Этому храму, как и всей стране, пришлось пережить нелёгкие времена. Его закрывали, переоборудовали, безжалостно скололи большую часть декора, смыли позолоту с куполов, богоборцы выломали мраморный иконостас, безжалостная рука какого-то художника-варвара закрасила мозаики и росписи. Чудовищные потери, возмутительное надругательство над Россией-Русью, которое произошло с попустительства самих же русских людей.

– Но, слава Богу, – возразил я, – ведь собор воскрес в своём первоначальном величии и, как прежде, украшает город. Забудем геростратов.

– Нет, – сухо ответил Борис Александрович, выразительно покачав головой. – Такое забывать нельзя.

Но к предмету его любви – Кронштадту – разговор вернулся скоро.

– Знаешь, здесь у меня порой появляется такое чувство, что я продолжаю жить на корабле, – глядя в окно, по-детски радостно признался Борис Александрович. – Посмотри, как каналы пересекают город, соединяя море и сушу, обильно питая влагой скверы и парки, расположенные вдоль водных артерий. А эти крепостные стены плотной каменной кладки! Толстыми массивными дугами они, как борта крейсера, обнимают город, защищая

островные строения не только от неприятеля, но и от балтийских волн. Всюду проникает морская стихия, море бьётся о дамбу, о рукотворные форты, плещется у крепостных стен города-корабля. Кронштадтское шоссе, улица Восстания, Якорная площадь, улица Советская, улица Аммермана и другие магистрали центральной части города-острова не жмутся к домам, их широкие тротуары кажутся мне палубой военно-морского корабля.

— Красиво, поэтично вы говорите, Борис Александрович. Хоть и чувствуются в ваших словах метафоры и преувеличения, но с ними не поспоришь: чистота в городе идеальная, действительно, как на палубе.

— Это одна из особенностей нашего города, даже при том, что дожди у нас — частые гости, грязи нет, обувь после прогулки можно не мыть, она всегда чистая.

Ещё здесь раздолье для велосипедистов и любителей роликов. Они летят по широкому тротуарам, никому не мешая, наслаждаясь свободой и своим мастерством. Но эти удобные тротуары предназначались не для них и не для нас, построены они не в теперешние времена и не в советские. Они были спроектированы как плацы, необходимые для марширующих матросов. Рота под барабаны размеренно шагала по тротуару, никому не мешая.

Кронштадт — идеальное место для жизни. Люди здесь пешком ходят на работу, дети — в школу. Недавно после ремонта открылась детская библиотека. Оригинальный проект в морском стиле, новейшие компьютеры, большой выбор литературы.

А если к этому добавить спортшколу, теннисный клуб, газпромовский бассейн... Мечта любого горожанина!

— Борис Александрович, в вас говорит любовь к городу. Вы “песню” ему поёте, по вашим словам, здесь недостатков нет. У меня на предприятии работают жители Кронштадта. Встают рано, возвращаются поздно, им не до тренировок в теннисном клубе и рекордов в бассейне.

Не приведи Господь заболеть! Проблема здравоохранения — общая для России, но с местными особенностями. В Петербурге мощные медицинские центры, прекрасное оборудование, хорошая диагностика, но, чтобы любому кронштадтцу к этому добраться, нужно быть здоровым человеком. Если ребёнка положили в клинику в Питере, а родители живут в Кронштадте, возникает множество проблем, особенно с посещением ребёнка. Другие сложности перечислять не хочу.

— И не перечисляй, у любого места, города, села найдётся и хорошее, и плохое. Но мой Кронштадт — самый лучший героический город. Вот послушай:

*Острым льдом зарастают дороги.
Превращается в айсберг Кронштадт.
Рядом с тральщиком — парусник в доке.
Туча — словно дырявый штандарт.
В рундуках спят матросские ленты.
Тонут плацы в крылатом снегу.
Не на мостиках — на постаментах
Адмиралы встречают пургу.
Маршируют учебные роты,
И труба над заливом поёт...
Колыбель океанского флота —
Этот город, растающий в лёд.*

— Да, Борис Александрович, вашему городу повезло, что у него есть такой певец.

— Первая моя публикация была в школьные годы. Меня безо всяких “связей” печатали всесоюзные издания. Не то, что сейчас! Молодёжи негде печататься. А я просто посылал подборки, и они публиковались в известных на всю страну толстых журналах и в популярных газетах.

— Вам и сегодня грех жаловаться на невнимание к себе читателей.

— Мне действительно грех жаловаться, я вошёл в литературу с теми, кто был меня старше, мудрее, опытнее. Ездил на выступления вместе с писателями-фронтовиками. У меня с ними сложились прекрасные взаимоотношения. Мои учителя и друзья — Михаил Дудин, Сергей Давыдов, Вадим Шефнер,

Всеволод Азаров, Егор Исаев. Можно ещё многих назвать. Без них не было бы меня, поэта Бориса Орлова. Михаил Дудин рекомендовал меня в Союз писателей. Помню, что в Союз писателей СССР от Ленинграда в год принимали всего пять-шесть человек. Состоять в Союзе было престижно, но и уровень писательского мастерства был высочайшим.

Мы пили чай за столом, залитым лучами заходящего солнца, прямыми и отражающимися от золотого купола собора. То, что время позднее, я понял, не увидев на улице ни одного человека. Якорная площадь безмолствовала. И только было слышно, как волны бьются о крепостные стены.

Заторопившись, поблагодарив хозяев уютного жилища, Бориса Орлова и его заботливую жену Татьяну, я через несколько минут уже сидел за рулём своего автомобиля. Выежая из Кронштадта, я почувствовал справедливость названия – город-корабль. Окружённый со всех сторон бурливыми волнами, он уверенно шёл курсом истории, строго соблюдая своё предназначение – быть водным замком, морским редутом, защищающим великое детище царей и простых русских тружеников, великих архитекторов и умелых оружейников – Санкт-Петербург. И ещё подумалось мне, что Борис Александрович Орлов – тоже своего рода редут, мощное укрепление в бурном море литературы, которую он защищает от духовных разорителей и приспособленцев, от барышников, сутяжников и склочников, стремящихся подорвать, разорить литературный процесс, подстроить его под свою выгоду и амбиции.

“...И БЕСКОНЕЧНОЙ КАЖЕТСЯ ПРОГУЛКА”

Встреча третья

В это летнее, благоуханное воскресенье мы с сожалением и неохотой уехали с дачи раньше обычного, поторопились, надеясь избежать изнуряющих автомобильных пробок, которые в воскресные вечера закупоривают все шоссе, ведущие из дачной местности в Петербург. Но всё равно, даже в дневное время дорога оказалась загазованной, тормозящей. От дорожных тягот, год от года становящихся всё тяжелее в результате хаотичного заселения Санкт-Петербурга и области, я почувствовал изнуряющее недомогание. Дома лёг на диван, но и через полчаса легче не стало. Вспомнил, что в таких случаях я прибегаю к простейшему и действенному лекарству – неспешная прогулка для меня лучший доктор. Жена посмотрела неодобрительно, но препятствовать не стала. И только сказала мне вслед:

– Зайди в аптеку, Миша, купи себе таблетки! – Она сказала ещё что-то заботливое, но я уже не слышал, по-мальчишески резво сбегая с последнего этажа по крутой лестнице старинного дома на Большой Морской, где наша квартира.

Несмотря на то, что вышел я в самый центр, город оказался милосерднее, чем недавняя пригородная дорога. Улица приласкала меня освежающим ветром, поддержала объятием блистательных зданий-дворцов, глядя на которые я всегда воодушевляюсь, просветляюсь душой. Боясь расплескать захлестнувшее меня творческое, романтическое настроение, я пошёл по теневой стороне, но почувствовав, что в тонкой куртке мне здесь холодно, перешёл на противоположную. Но и здесь пологие солнечные лучи только подразнили меня, но не согрели. Поэтому, размахивая руками, я прибавил шаг, стало, действительно, теплее.

Ближайшая на Гороховой улице аптека в выходной оказалась закрытой. Делать нечего, пошёл в аптеку, что напротив Казанского собора, уж та точно открыта, так как работает круглые сутки, решил я, повернув на Невский проспект.

Величайшая улица мира, средоточие деяний гениальных архитекторов, художников, меценатов, в этот вечер оказалась сплошной человеческой рекой. Лавируя между участниками многолюдного воскресного променада, дошёл до Малой Кююшенной. Вдруг мой слух настроился, что-то знакомое показалось в тембре голоса и словах, доносившихся из мощных громкоговорителей, расположенных на стенах ближних зданий.

*Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.*

*Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.
Тревожит сердце облачная рябь —
Печаль о невозвратном и любимом.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Берёзы, наслаждаясь жёлтым дымом.
Слепым дождём прибило в парке пыль,
Кольшутся аллеи в дымке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль —
Божественный смычок над красной скрипкой.
И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.
Перемешалось всё: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поёт, как музыкальная шкатулка.*

С трудом, шаг за шагом, словно прорастая к солнцу, пробился к небольшой сцене, что была устроена в глубине улицы, в самом начале традиционных для города “Книжных аллей”. Бориса Александровича я увидел в плотном окружении любителей поэзии. Слушателей было много, здесь собрались почитатели и знатоки творчества Орлова, были и те, кто раньше не догадывался, что является любителем поэзии, и влюбился в неё здесь “с первого взгляда”. Некоторые сидели на стульях, вынесенных из кафе, но большинство, как в церкви, стояли: поэзия — дело святое. Борис Орлов тоже стоял, он был в штатском, но по властным интонациям голоса и по темам стихов все понимали, что перед ними — военный человек, капитан, ведущий свою поэтическую Россию между предательскими мелями и политическими рифами.

*Указ или приказ — как вражеский фугас:
Уходит флот ржаветь на мели и глубины.
Я список кораблей прочёл десяток раз,
А раньше я не мог прочесть до середины.
Останки кораблей — вдоль русских берегов,
Но сраму ни они, ни моряки не имут...
Всё тайные враги... А явных нет врагов,
И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.
Заморские моря грустят без наших рей,
Но флаги на морях не нашего пошива.
О флотские сыны — романтики морей!
Здесь правит не любовь, а зависть и нажива.*

Слова просты, смыслы знакомы, так мы все теперь говорим и думаем, вспоминая недавние годы яростного сражения либералов с советами. Хотя надо сказать, что Борис Орлов и в убийственные “перестроечные” времена не боялся называть высокопоставленного вора — вором, властного убийцу — преступником, не стеснялся покаяться в своих грехах и проступках. Но поэту по силам не только называть большие темы, но удаётся заставить — тебя, меня, нас — действовать, понять, что от поступков каждого любящего Россию человека зависит её судьба и общая победа.

Мне было радостно осознавать свою причастность к этому духовному событию, стоять вместе со всеми, слушать знакомые мне стихи поэта. Я понял также, что поэзии нужна живая, заинтересованная аудитория. Я читал много книг Бориса Александровича, но сила его слова увеличилась многократно в этом звучном исполнении, одухотворённом вниманием слушателей.

Народ долго не расходился, люди задавали вопросы, Борис Александрович подробно на них отвечал, спорил, сердился, убеждал. Думаю, что его знаменитые четыре строчки: “Чёрная подлодка. Чёрная вода. Чёрная пилотка. Красная звезда”, — написанные на Северном флоте, после исполнения в центре Петербурга стали родными и для Балтийского флота, и для невских берегов.

- Борис Александрович, – заговорил первым я, – а вы родом из Петербурга?
- И да, и нет. Моя малая родина – Ярославская земля.
- Ярославская?
- Да, да – она, моя любимая и родная. В деревушке Живетьево Брейтовского района я и родился. Ну, как тебе рассказать о ней? Только так, пожалуй:

*Рассвет. Калиток скрип. Собачий лай.
Над трубами — дым, свившийся в колечки.
Живетьево... Черёмуховый край.
Деревня дремлет меж ручьем и речкой.
Пыль... Тихо гонят к пастбищу стада,
Пастуший кнут звучит раскатом грома.
Такой её запомнил навсегда,
Когда в слезах простился с отчим домом.
Живетьево... Зарос и высох пруд.
Нет “пяточка”, где наша юность пела.
Другие люди поселились тут,
Которым нет до прежней жизни дела.
Труд с совестью вошли в крутой раздрай,
Взошёл бурьян непроходимой чащей.
Конюшни нет, капустаника... Сарай,
Где лён хранился, сломан и растащен.
Живетьево... Жизнь не всегда права.
Не вырастили для крестьянства смену.
Черёмухи спилили на дрова,
А в дождь в деревне грязи по колено.
Где удаль? Где отцов и дедов речь?
В полях растут осины да берёзы.
Но всплону перед тем, как в землю лечь,
И белый цвет, и ягод чёрных слёзы.*

Это даже не район, а целый край, – не переводя дыхания, продолжил Борис Александрович, – его история уходит в глубины веков. Географическая особенность Брейтовского района – всегда быть “на рубеже”, “на границе”. Эта территория и называлась порубежной. Поэтому и монголо-татары в 1238 году начали свои завоевания Руси с нашего края. Ты, наверное, знаешь, Михаил Константинович, о знаменитой битве на реке Сить, где прежде непобедимые русичи не смогли задержать нежданного сильного завоевателя. Так вот, эта битва была в моих родных землях. А ещё потому порубежный край, что находится на путях, соединяющих Великий Новгород и Ростов Великий.

Мои земляки издревле славились ткачеством. Во времена Петра I, можно сказать, эта земля породнилась с Санкт-Петербургом. Великий царь задумал сделать Петербург морской столицей, а на землях, ныне входящих в Брейтовский район, решил разместить вспомогательные ремесла.

– Борис Александрович, а какие знаменитые люди России жили на этих славных землях? – заинтересованно спросил я, чтобы по известным фамилиям лучше представить и запомнить историю.

– Да, жили, – сердечно произнёс мой собеседник, как будто вспоминая кровную родню. – История края тесно связана с жизнью и деятельностью потомственных мOLOGских дворян графов Мусиных-Пушкиных. Самым известным среди них был Алексей Иванович – государственный деятель, первооткрыватель великого “Слова о полку Игореве”, историк, коллекционер и собиратель русских древностей.

Брейтовская земля всегда была на границе важных событий, культур и традиций. Знаешь, когда я смотрю на картину Васнецова “Витязь на распутье”, представляю, что вещей камень с указанием путнику возможных путей

находился в наших краях, ведь здесь проходила грань между свободной землёй и покорённой монголо-татарами территорией. Я верю, что камень ещё сохранился, прячется, наверное, в каких-нибудь чащобах, а когда понадобится народу, вновь этот безошибочный указатель окажется на своём месте.

У нас в районном центре театр уже полвека носит гордое звание “Народный”. Больше ста двадцати лет библиотечной системе. В середине XIX века землевладелец генерал Николай Зиновьев освободил крестьян от крепостной зависимости за несколько лет до всероссийской отмены крепостного права. В революционные годы здесь по-своему разграничили прошлое и будущее, впервые в России создали Брейтовскую советскую волостную республику. Когда я был маленький, моя мама с гордостью говорила о нашей земле. Я запомнил её слова на всю жизнь. Тогда я ещё не знал модного ныне слова “патриотизм”, я просто очень-очень любил свою землю, свою Родину, свою семью.

— Борис Александрович, Ярославль — это центральная часть Европейской России. Леса, холмы, поля и топи, откуда же у вас появилось желание ходить по морям-океанам, да ещё не просто моряком на надводном корабле стать, а подводником. Ведь с детства вы не сиживали на берегу мощной реки и не мечтали о дальних плаваниях, глядя в морскую даль.

— Плохо вы географию знаете, уважаемый Михаил Константинович. А Рыбинское море?! Оно ведь всем морям море! — радостно воскликнул Борис Орлов.

— Но это же не море, а водохранилище, вернее, рукотворное море, — покраснев, попытался я исправить свою оплошность.

— А какая разница! Когда плывёшь по Рыбинке, не думаешь, что это рукотворное море. Море ведь тоже сотворено, если не человеком, то Богом. А человек создан по образу и подобию Творца. Так что спорить здесь не о чем. По определению, море — это часть Мирового океана, обособленная сушей или возвышениями подводного рельефа. И ничего в этом определении не говорится о том, кем оно сотворено. А у нас волны — больше двух метров. Ширь — берегов не видно. Сколько помню себя, во мне боролись два страстных желания: быть моряком, как мой отец, и поэтом. Оба с Божией помощью исполнились

Помню наши походы с отцом по Рыбинке — счастливейшие события и лучшие дни моей жизни. Я и сейчас до мелочей, до золотых прибрежных песчинок, до радужных оттенков мелких рыбёшек, снующих под водной гладью, помню красоту нашего моря.

Вот представь, на просторе уже волна, подгоняемая ночным ветром, а мы с отцом на стоянке, где-нибудь посередине “моря-океана”, у необитаемого острова. Вот рассказываю тебе, а сам слышу неспешные разговоры взрослых. Прислушайся, и ты, Михаил Константинович, может, услышишь жужжание комаров, призывные трели неведомой птицы. Приглядишься! Видишь — рог месяца, изобильно рассыпающий по небу спелые звёзды. И волны своими мягкими губами тянутся к ним, лакомятся ночной сладостью звёздного света.

— Прекрасно! В вас сейчас говорит поэт. А я не люблю рукотворные моря. Одно такое погубило мою родную деревню, под водой остался дом, где я родился, покосы и луга, наши поляны, где мы мальчишками играли в войну, набирались жизненной мудрости. И кладбище. Ничего не осталось. Даже поклониться нечему. Думаю, если бы у вас родной уголок был погребён под водой, другая бы картина рисовалась. И настроение было бы иное.

Орлов ничего не ответил, сочувственно вздохнул, но потом попытался возразить.

— Не хочу спорить, — сказал он, — у каждого человека свой взгляд на создание рукотворных морей. Знаю точно: без Рыбинской ГЭС не было бы развития областной промышленности, не работали бы крупные заводы. Кроме того, весенние паводки и летнее обмеление Волги составляли бы массу препятствий для судоходства. Ведь мощный Волго-Балтийский канал связан с Волгой благодаря Рыбинке.

— Сейчас ведь время другое, Борис Александрович, электроэнергетики, как говорится, пруд пруди. Может, разобрать плотину и спустить воду?

— Да, вы не первый, кто говорит об осушении водохранилища. Но когда подсчитаешь расходы и предполагаемую выгоду, в основном эстетического плана, за голову схватишься. Я неоднократно беседовал с бывшими жителями затопленных территорий. Некоторые страдают от ностальгии по своей малой

родине, это правда, вспоминают, какие были заливные луга! Причём это говорят даже те, кто был вывезен с тех территорий в глубоком младенчестве и лугов тех никогда не видел.

А другие резонно возражают:

– Из-за этих заливных лугов в крае постоянно свирепствовали кишечные инфекции. Дизентерия, брюшной тиф и паратиф косили людей сотнями.

Что мы получим при осушении водохранилища? Мы получим огромную пустыню, устланную в основном песком, ведь мизерный плодородный слой давно размыт и унесён течением в Волгу. В эту пустыню будут вкраплены разных размеров лужи и болота, в большинстве мелкие, с застойной цветущей и зловонной водой. Мало того, получим благоприятные условия для массового вылета малярийного комара.

Весной снова будем получать заливные территории (не луга!), просто мелкие водоёмы, которые, может, и станут лугами, но через десятки лет. А может, и не станут! Многолетние сбросы в водохранилище промышленных отходов предприятий города Череповца, сейчас покоящиеся на дне под толщей воды, выйдут на поверхность, потекут в Волгу, отравляя все водозаборы, находящиеся ниже водохранилища. Частично загрязнения останутся в почве осушенного водохранилища, делая весьма сомнительной возможность и целесообразность рекультивации территории. Да и какой может быть разговор о сумасшедших затратах на рекультивацию, если у нас всё больше возделываемых земель изымаются из использования и зарастают кустарниками!

К условиям водоёма давно уже “притёрто”, приспособлено огромное водное хозяйство: водозаборные и водоочистные сооружения Рыбинска, Тутаева, Ярославля.

А судоходство? Именно водохранилище обеспечивает прохождение судов река-море, грузовых и пассажирских, связь с Волго-Балтом, Беломорканалом. Всё это хозяйство обеспечено причалами и навигационным оборудованием.

Здесь и дешёвая электроэнергия, причём экологически чистая, помогает решить проблему пиковых нагрузок. Кто всё это считал, кто оценивал?

– Да остановитесь вы, Борис Александрович! Если вас послушать, впопру прыгать в Неву от ужасной перспективы. Убедил! Доказал! Но это уже размышления не поэта, а специалиста по обеспечению живучести корабля.

– Извини.

Борис Орлов замолчал, я даже подумал, что его командирский нрав утихомирила, умилостивила окружающая красота. Но через несколько минут он вновь продолжил спор с условным оппонентом, обращаясь ко мне.

– Вы знаете, Михаил Константинович, у нас в стране есть реформаторы, которым бы только выдумать и толкнуть идею покруче, себя показать этими гениями-преобразователями. Вообще реформаторство мне кажется психической болезнью. Помните наших горе-младореформаторов? У них была патологическая страсть всё ломать, всё перестраивать, доводить до абсурда. Весь этот нездоровый их запал ухудшает функционирование устоявшейся системы, причём часто это делается в чьих-то личных корыстных или “корпоративных” интересах. Под шумок можно много “бабок” срубить. Кто распознает, почему пересохли все колодцы в населённых пунктах, расположенных у моря? Кто озаботится экологическими нарушениями?

Я интересовался в деталях этой проблемой. Могу сказать, к прежнему состоянию возврата нет.

Вы поймите меня правильно. Идея осушения или снижения воды в Рыбинке опасна, экономически бессмысленна, экологически сомнительна.

Вода Невы, как будто услышав наш с Борисом разговор, потемнела, нахмурилась. В этот вечер волны Невы были особенно густыми, глубокого стального оттенка, так что казалось, воздух был насыщен приторным запахом прокатного металла. И вся река напоминала огромный зеркальный прокатный лист, уносящий на себе отражения звёзд, прибрежных петербургских красот и наши переживания в далёкие моря.

По Дворцовой площади шли молча. Под аркой Главного штаба Борис Орлов оглянулся назад и, указав рукой на Адмиралтейство, произнёс:

– Вот здесь моя альма-матер была.

– Почему была, Борис Александрович? – спросил я.

– Сейчас Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, в котором я учился, выселено из этих стен, а сюда переведён из Москвы Главный штаб Военно-морского флота России. Видите, над зданием развевается Андреевский флаг, он символизирует присутствие высшего военно-морского командования.

– Жалеете?

– О чём?

– Что училище переехало.

– Да мне-то жалеть нечего. Я своё получил, учился здесь, в самом центре нашего города, напитался великой его историей и военно-морской традицией. Для современного учебного заведения это здание уже, конечно, не подходит. Это почти музей. И то, что сюда переехало руководство Военно-морским флотом из Москвы, считаю правильным. Символичным! Скажу по секрету, специальный факультет, который я окончил, остался пока в здании Адмиралтейства, и курсанты продолжают здесь учиться.

Как будто в подтверждение нашего возвышенного разговора неожиданно, словно из глубины небес, раздался пронзительный звук. Через равные промежутки времени он повторялся и повторялся, охватывая дали, проникая в наши сердца, наполняя их верой и надеждой.

– Наверное, это колокола Исаакиевского собора? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал я.

– Нет, этот колокола Казанского собора.

Перезвон нарастал, становился многозвучным. Колокола весело перезванивались, как будто переговаривались, спорили, соглашались, постепенно их разные по тембру голоса сливались в единое симфоничное звучание, возвещающее время молитвы. Где-то вдалеке, на Екатерининском канале, заговорили колокола “Спаса на Крови”. Они были от нас далеко, поэтому их колокольная симфония казалась глуше, смиреннее, трагичнее. Да это и объяснимо – ведь это были колокола храма на крови.

Какая великая музыка! Действительно, хочется поднять к небу глаза и молиться. Борис Александрович перекрестился и блаженно вздохнул. Наверное, про себя прочитал молитву.

– Борис Александрович, а вы верите в Бога? – задал я значимый для меня вопрос.

– Если отвечать кратко, – верю. Но по законам Православия я недостаточно воцерковлённый человек. То есть недостаточно связанный с жизнью Церкви, которая требует от прихожанина регулярного участия в богослужениях, в насыщенной церковной жизни, требует от человека умения жить по христианским заповедям, поддерживать отношения с церковной общиной и т. д.

– Прости, что пристаю с вопросом. Так получилось в моей жизни, что я всегда осознавал себя атеистом. Но сейчас, уже в преклонном возрасте, стал всё чаще и чаще задумываться о Господе, о заповедях Божиих, о Божией справедливости и возмездии. О спасении. А как ты пришёл к вере? К Богу?

Сейчас, по-братски, мне было привычнее обращаться к Борису Александровичу на “ты”. Ведь говорят в храме: все мы братья и сестры.

– Вера в Бога – не только убеждённость в том, что Он есть. Вера проявляется в доверии Богу, Божиему Промыслу, в осознании жизненного принципа: “Не как я хочу, но как Ты, Господи. Да будет воля Твоя”. Если человек умеет слышать Божию волю и подчиняться ей, то Сам Господь ему помогает. Мне повезло в жизни. Наша родственница, сестра моей бабушки, была монахиней в монастыре. Монастырь богоборцы разорили, осквернили, но веру отнять у русских людей не смогли. Бабушка вернулась в деревню, купила себе маленький домик и обустроила его подобно келье, стала вести тайную монашескую жизнь. Много, помню, было у неё икон. Тогда в нашем районе совсем не осталось церквей. Бабушка Елена проводила в своей избушке церковные праздники. Мы с сестрой помогали ей. В этой своей келье она нас с согласия наших отца и матери крестила. Уже будучи взрослым, я рассказал одному православному священнику, что был крещён монахиней, и спросил, не нужно ли провести новый обряд крещения.

– Нет, не нужно, – был его ответ. – Таков о Вас Божий промысел. Ведь это всё совершалось в лютые богоборческие времена, когда Церковь в руинах лежала. Хорошо, что Вы были хоть так крещены. И это для Вашей дальнейшей судьбы было благом и спасением.

Борис Орлов опять замолчал, губы его зашевелились, я был уверен, что он молча читал молитву. Наверное, на помин души бабушки Елены. Потом он продолжил.

— Да, бабушка Елена многому нас научила, часто нам говорила, что, когда человек выполняет заповеди Божии, живёт по совести, тогда и только тогда его можно назвать верующим. Вера — это не только безотчётное, всепоглощающее чувство, но состояние ума, воли, сердечных чувств человека. Большинство людей имеют неглубокое духовное зрение, не прозревают замысла Божия, не различают духов зла, доверяются им, ведь в наше апостасийное время их тьмы и тьмы. А Бог знает всё. Поэтому тем, кто на Него уповает, Он помогает. Он помогает воплотить истинно доброе и даёт на это силы, говорила мне бабушка Елена.

Борис Орлов опять задумался. Я его не торопил, и он продолжил свой рассказ:

— Я приблизительно пересказал слова, но эти заповеди бабы Лены хранимы моей душой всю жизнь. И я уверен, что Господь помогает мне. Например, послал таких прекрасных учителей, которыми были Анна Александровна и Николай Романович Бакины.

Это они терпеливо учили нас в деревенской школе арифметической премудрости, чистописанию, чтению по хрестоматии “Родная речь”. Их рассказы о прошлом нашей страны, о природе, о реках, морях и океанах запомнились мне навсегда. Сейчас малыш-трехлётка знает, — а я тогда в первом классе только от них узнал, — что у реки есть исток и устье, а также берег левый и правый.

Борис Александрович счастливо заулыбался. Было радостно следить за его просветлённым любовью лицом, одухотворённым взором. И я отчётливо представлял вместе с ним, как эти незнакомые мне люди, давно ушедшие в мир иной, переживают, заботятся о каждом своём ученике, волнуются об успехах своих маленьких учеников, тревожатся из-за их неудач, приходят на помощь своим подопечным.

— В этом состояла вся их жизнь, их предназначение на этой земле, их человеческий подвиг, — подытожил Орлов. — А моё поступление в военное училище — не чудо ли? Тогда был огромный конкурс. Девять человек на одно место. И я, деревенский паренёк, побеждаю, а многие городские “хорошисты” сошли с дистанции.

А стихи — разве не Божий промысел? Я писал их с тех пор, как помню себя, как говорится, “отроду”. Но поэту нужна оценка. Помню, как в восемнадцать лет со своими опусами я робко пришёл в журнал “Нева”, и первым человеком, которого я встретил, был великий Всеволод Рождественский. И он меня приветил, одобрил, похвалил. Эта его похвала стала моим поэтическим крещением. Конечно, эта встреча — случайность. Но на его месте мог в тот момент оказаться какой-нибудь заслуженный русофоб (и тогда их было предостаточно), и меня с моими духовными стихами о России могли бы унижить, отбить охоту к творчеству.

Мы подошли к Екатерининскому каналу. От небесной колокольной симфонии, от разговора, убедившего меня в существовании помощи Божией, я был в приподнятом настроении. И почему-то здесь мы с Борисом Александровичем почти одновременно вспомнили, что в советские времена канал был переименован в честь великого современника и тезки Пушкина — поэта и офицера Александра Сергеевича Грибоедова. Это имя поныне символизирует высшие смыслы героического служения, верности, любви. На берегу канала Грибоедова, у входа в метро, мы с Борисом Орловым попрощались. Глядя ему вслед, зная его нелёгкую военную службу и писательское служение, я подумал, что, без преувеличения, это достойнейший человек нашего времени.

г. Петербург